

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

ТАНКИСТ №1

Бей фашистов!

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б79

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *А. Руденко*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Танкист № 1. Бей фашистов! / Валерий
Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. —
320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-92354-0

Новый военно-фантастический боевик от автора
бестселлеров «Позывной «Колорад» и «Диверсант № 1».
Из Новороссии — на Великую Отечественную.
Из российского танка Т-72 — в советский Т-34.

Подбитый в 2015 году под Дебальцево, русский до-
броволец очнется осенью 1941-го в теле лейтенанта
Лавриненко — лучшего танкового аса СССР, на счету ко-
торого 52 сожженных немецких панцера.

В реальной истории Лавриненко погиб уже в декаб-
ре 41-го.

Но танкист из будущего спасет сталинского танкиста
№ 1 от гибели, чтобы увеличить его боевой счет много-
кратно!

Недаром на танке «попаданца» написано: БЕЙ ФА-
ШИСТОВ!

Он бил бандеровцев на Донбассе — будет бить и гит-
леровцев под Москвой, Харьковом и на Курской Дуге!

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6

© **Большаков В.П., 2016**

© **ООО «Издательство «Яуза», 2016**

ISBN 978-5-699-92354-0 © **ООО «Издательство «Эксмо», 2016**

Глава 1

В ТЫЛУ ВРАГА

Украина, Киев. Сентябрь 2014 года

— Падлюка кацапська!

Лезвие «финки» мелькнуло мимо глаз Геши Репнина, и здоровенный бандеровец в камуфляже, грязный, потный, вонючий, развернулся махом, открывая правый бок.

Геннадий тут же двинул кулаком, «пробивая» вражине печенку. Добавил носком ботинка в колено, заваливая бандерлога.

— Заполучи, фашня!

Но были еще двое — один метался впереди, кроя «москаля» матом с безопасной дистанции, а вот другой как-то извернулся, заходя со спины и локтем охватывая Репнина за шею.

— Сдохни, вата!

Геша саданул его локтем по ребрам и той же рукой ударил за плечо, попадая в нос обратной стороной кулака. Этого хватило, чтобы освободиться, развернуться и врезать от души по небритой роже. Нокаут.

А матерщинник-то засуетился, задергался, потащил из кармана... Что у него там?..

Приглядываться Геннадий не стал, не до того было. В два прыжка одолев метры, отделявшие его от любителя нецензурщины, он с разбегу за-

ехал тому ногой по мотне. Выкрутил руку, синюю от татушек, и отобрал пистолет. Травмат? Как же... «Вальтер, «П-38».

Сунув трофей за пояс, Репнин отшагнул, наблюдая за полем боя.

Враг повержен, шипит от боли и ругается. Шепотом.

— Контрольные бы вам всем, — процедил Геша.

— Ни! Ни! — проскулил хозяин финского ножа, елозя, как личинка в дерьме.

— С-суки...

Репнин развернулся и скрылся за углом пятиэтажки — жилого дома, где на балконах сохло белье, а окна до самой крыши были заделаны разномастными решетками. Тюрьма со всеми удобствами.

Перебежав улицу, Геннадий пошел дворами, пока не выбрался к скверу. Репнин уже вполне успокоился, да и что такого особенного случилось? По спальным районам Киева гопники ходили толпами, тормозили людей и вымогали деньги на революцию. С женщин снимали серьги, мужиков лишали наличности. Революционный держали шаг...

Геша взглядом мазнул по облезлой стене с размашистым граффити: свастика, автомат Калашникова и вопрос в стиле «гидности»: «Каждой хате автомат. А у тэбэ?»

Репнин поморщился. Еще весной приметы обыкновенного фашизма кололи глаз, царапали душу, вызывая боль своим окаянством, а теперь... А теперь он привык.

Вон, в запущенном скверике — клумбы из покрышек от «КраЗа». На одной из них, взявшись за руки, прыгали два отрока и пара отрочиц, выпевая: «Хто не скаче, той — москаль!»

Геша усмехнулся. Бытие определяет сознание.

Лично ему хватило месяца, чтобы притерпеться к жизни в фашистском царстве-государстве. Адаптировался.

Запущенный скверик вывел к базарчику — с кривых столиков и занозистых ящиков торговли салом, книгами, хрусталем, утюгами, вязаными салфетками и носками, чищеными орехами и ношенными костюмами. Продавцы — бабы в платках и толстые мужики в вышиванках — представляли тот же колоритный типаж, что и лет девяносто назад, при Петлюре. И разговоры они вели те же:

— Да, б..., я сам на Донбасс поеду им уши резать! — кипятился заросший селюк. — Я их стрелять, б..., лично буду, кацапов-предателей!

— На ножи ватников! — сурово рубанул его сосед.

Молодой хлопец с чубом негромко говорил покупателю с выстриженными висками:

— ..Добробатовцев х...т под Донецком. Какая, в п..., война? Да на х... она кому нужна? Я никуда не собираюсь.

— Пра-ально! А повестки пусть в жопу себе засунут!

Тетка в шапочке с козырьком из синтетики сделала обоим замечание:

— Як же ж вам нэ соромно у цэнтри Кыива размолвляты российской мовою?

— У москалей мова быдляча! — визгливо рассмеялась густо накрашенная девица.

Парень с чубом вызверился на нее, да с матюгами, но дивчина попалась горластая — отгавкалась...

Геша шагал, словно разведчик в тылу врага, — таясь ото всех, растворяясь в толпе. Камуфляж, что ладно сидел на нем, не бросался в глаза — чуть ли

не половина мужского населения Киева щеголяла в «пятне» разной степени бэушности. И солдат полно — бритая пацанва, кандидаты в каратели.

«Слава Украине! Героям слава!»

Репнин притормозил у витрины, за которой висело большое зеркало — отразился молодой мужчина, невысокий, широкий в плечах и узкий в бедрах. Голова была обрита наголо — лет пять назад Геннадий еще зачесывал волосы. Зачесывал, пока не обнаружил, что лоб становится все выше и выше. Короче, залысины пошли.

Дождаться плечи не стал — остригся «под Котовского» и засверкал голой башкой. Экономия, однако, — расчески ни к чему, да и в шампунях нужда отпала. Руки моешь — тут же и голову обтер. Вот и вся гигиена.

За витриной висел плакат: «Не купиуй российскэ!»

П-патриоты майданутые...

Репнин припомнил, как обрадовался однажды летом, натолкнувшись в одном из дворов на следы старой, полузабытой жизни — качельки, бабушки с колясками, ленивый кот на лавке вылизывает свое хозяйство... Классика!

Через неделю ревнителю «гидности» выкрасили в цвета петлюровского флага и лавки, и качельки...

Геннадий поморщился, шагая вдоль желто-голубого забора, мимо «жовто-блакитных» столбов и урн. Даже стволы деревьев были не побелены, а вымазаны державным колером.

Это уже не благоустройство, это диагноз.

Заиграл телефон, и Репнин поспешно вытащил свою старенькую «Нокию». Звонил, однако, не дед, и Геша сразу насторожился: у него была симка от

тутошной «Киевстар», и никому, кроме старого, он номера не давал.

— Алё?

— Привет! Не узнал?

— Жека, ты? А как...

Женька довольно хохотнул:

— Я с Донбасса звоню, понял? А как вычислил... Хе-хе... Военная тайна! Слушай, я чего звоню. Тут танкистов ценят, понял? Укропы, когда драпали, кучу техники бросили, а сажать на нее некого. Так что... Намек понял?

— Да понял, понял. Только... Не могу я сейчас, Жека. Я тут в самом логове врага. Дед болеет, понимаешь? А помочь больше некому. Лекарства контрабандой тащу, да и сам, как лазутчик, через границу шастаю. А скоро холода. Буржуйку я поставил, дровами запасуюсь. А если опять погром?

— Как все запущенно... — вздохнул Женька и добавил витиеватой нецензурщины.

— Не то слово! Если бы я не постригся, шапку носить не смог — волосы бы дыбом стояли. Зигуют все! Вчера, вон, маршировали правосеки. Знаешь, какая у них запевка? «Зиг хайль! Рудольф Гесс! Гитлерюгенд СС!»

— Дурдом... Ну, ладно. Если что, найдешь меня. Пока!

— Пока...

Геша сунул сотовый в карман и вздохнул. Привет с родины...

* * *

Гешин дед проживал в старенькой высотке, балконы которой были заставлены «тарелками» антенн — те самые «укропы», что орали на улицах

«Слава Украине!», дома смотрели «Первый», «Россию» и прочие запрещенные каналы.

Хлябавшие двери подъезда были заклеены объявлениями о сборе средств помощи бойцам АТО — у жильцов выпрашивали белье, обувь, стиральный порошок, зубную пасту, минералку — и далее по списку.

Из подъезда как раз выходил явный западенец в кожаной куртке. Прикладывая к уху сотовый, он бурчал:

— Ты мене чуєшь чи ні?

Пройдя тамбур, Репнин скривился — из мокрого угла под лестницей воняло мочой. Наверняка этот чертов гуцул отметился.

Вернуть — и ткнуть носом? Геннадий заколебался, но махнул рукой — не стоит привлекать внимание, «явочную квартиру» засвечивать...

Поднимаясь (лифт, само собой, не работал), Репнин перебирал в памяти дорогие ему моменты — тут все располагало к неспешным воспоминаниям. Дом не ремонтировался десятки лет, и весь «культурный слой» оставался нетронутым — имена, вырезанные на перилах; дверь тридцатой квартиры, отделанная досточками от ящичков изпод апельсинов; кафель, плафоны, облезлая краска...

Когда Гена-первоклашка приезжал к деду на каникулы, все тут выглядело точно так же. Тогда еще жива была баба Аня...

Родителей Репнин помнил плохо. Папа с мамой погибли, когда он перешел в шестой класс. Пришлось переводиться в киевскую школу...

Нет, с дедом ему было хорошо. Просто... Паршиво было. Погано. Пусто и холодно. Но даже со смертью свыкаешься.

Когда дед с бабой сообщили о гибели родных, Генка кричал: «Неправда! Я вам не верю!» Плакал, и баба Аня плакала, а дед сидел, сгорбившись, и бубнил: «Вот, так оно и бывает... Так и бывает...»

Иногда у Гёши мелькали «крамольные» мыслишки — о том, что все тогда к лучшему вышло. Неизвестно, что с ним стало бы при живых родителях, а дед его живо наставил на путь истинный.

Не сказать, что старый был строг, нет. Он и говорил-то редко, но уж если скажет, то по делу, да так, что взовьешься.

Дед всю войну оттрубил — начал мехводом на «тридцатьчетверке», а закончил командиром танковой роты. До Берлина дошел, на Рейхстаге отметился.

После школы Гёша вернулся в Россию. Хотел поступить на инженера, да провалился. Призвали в армию — попросился в танковые войска. Командование вяло, а тут и Вторая чеченская подоспела...

Так и вышло, что отцу воевать не пришлось, а вот деду и внуку выпал кровавый жребий.

В «зоне КТО» Геннадий многое понял про жизнь и про себя. После дембеля поступил в танковое училище... и лишь прошлой осенью капитан Репнин уволился в запас.

И вот, похоже, что судьба опять готовит ему пакость, снова жизненный путь выписывает зигзаг. Деду девяносто пять, а тут мало что хвори одолевают, так еще и душа страждет.

Каково это фронтовику, победившему гитлеровцев, стариться при фашистах? Мало того что бандеровцы памятники рушат, они людей убивают на востоке! Дранг нах остен...

...Геннадий тихонько открыл дверь дедовой квартиры и окунулся в привычную ауру — пахло лекарствами и сухим теплом. С утра Репнин протопил буржуйку, изгоняя ночную сырость.

Разувшись, Геша протопал в спальню.

Дед будто усох, стал похож на мумию, только глаза у него были живые, цепкие.

— Это ты? — сказал Антон Гаврилович дребезжащим голосом. — Хорошо, что пришел, а то я... ухожу. Хе-хе...

— Дед... — начал Репнин и смолк. Говорить бодрые слова ему было противно — старый все прекрасно понимал.

Старик улыбнулся впалым ртом:

— Да чего там, Гешка... Все путем. Я свое прожил. Всякого навидался... Намиловался... Плохо, что вся эта мразь вылезла, когда я уже не годен к строевой. Мне и автомат-то не удержать. А ты, Гешка, пообещай мне, что не спустишь этой нечисти, что будешь бить ее, пока не сдохнет.

— Обещаю, дед, — твердо сказал Репнин.

— Вот и славно... — выдохнул старик.

Улыбнулся и умер.

Сводка с фронтов ЛНР на 26 июля 2014 года:

«Минувшей ночью и сегодня утром противник подверг массированному обстрелу столицу Луганской Народной Республики. Агрессор обстреливал город со своих позиций в районе старого кладбища у поселка Металлист и РЛС, применяя самоходные орудия и крупнокалиберные минометы «Тюльпан».

Также велся прицельный обстрел из установок «Град» по пригородному селу Роскошное, в результате которого многие дома разрушены. Данные по жертвам среди сельчан уточняются.

Противник предпринял попытку обойти Луганск с запада, прорвавшись к Роскошному. Однако, по последней информации, был отбит огнем мобильно выдвинутой навстречу ему артиллерии. Овладев Роскошным, украинская армия могла рассчитывать на прорыв к луганскому аэропорту, до которого от села всего 15 км.

В ответ армия ЛНР провела успешный обстрел позиций противника в луганском аэропорту, расположенные на его территории аэромобильные части понесли серьезный урон, после чего интенсивность обстрела Луганска войсками противника заметно снизилась.

Во второй половине дня на территории Луганска продолжили работать диверсионные группы украинской армии. Приблизительно в 15.00 был нанесен минометный удар по Южному району города, сильно повреждена школа № 51, детский сад, фасады жилых домов. В школе погибла женщина.

В Свердловске 41 солдат противника добровольно сдался в плен бойцам армии ЛНР.

Очевидцы передают, что в Георгиевке произошел следующий инцидент: нацгвардейцы застрелили 6-летнего ребенка, случайно или специально — пока неизвестно. После чего местные жители из охотничьих ружей и другого стрелкового оружия застрелили около пятнадцати нацгвардейцев и покинули населенный пункт».

Глава 2

ДОНБАСС

*Донецкая Народная Республика,
ноябрь 2014 года*

После похорон Геннадий задерживаться в Киеве не стал — последняя ниточка, связывавшая его с «Укропией», лопнула.

Темной ночью перейдя границу «самостийной та незалэжной», Репнин вернулся в Россию. Но заряд ожесточения был слишком силен, чтобы возвращаться к мирной жизни, — забыть бесчинства, творимые «майдаунами», Геша не мог. Да и не хотел.

Зря он, что ли, слово деду давал?

Да нет, слово тут ни при чем. Будь он женат, имей детей, то трижды бы подумал, а стоит ли соваться на Донбасс. Там же и убить могут. Идет война, самая настоящая, та самая — народная и священная.

И тут Гешка не выискивал поводов, все было проще.

Ленинская национальная политика на деле была провальной, повторявшей ошибки «царизма». Вон, Николай I и Александр II тоже баловались, прививая государственность окраинам империи — вместо того чтобы укрепиться в Привислинском крае, образовали Царство Польское, а неблагодарному народу Великого княжества Финляндского и сейм даровали, и конституцию. Зачем?

Зачем было пестовать национализм? И чем это кончилось? И финны, и поляки устраивали облагодетельствовавшим их русским резню, затевали войны, а теперь вовсю подгавкивают америкосам.

Ильич пошел тем же неверным путем, наплодил элит, а те и рады стараться, быстренько развалили Союз, порезали на уделы и теперь грызутся между собой, клан на клан.

И все же Геша надеялся, что это пройдет. Разбогатеет Россия, отпавшие сами к ней потянутся.

Он не признавал убудочного СНГ и распад СССР считал преступлением. Рано или поздно Советский Союз, пускай и в ином обличье, вернется — народы, испробовав демократии, выкопают пограничные столбы.

Репнину портили настроение нелады в «братских республиках», но он не считал их бывшими — СССР для него продолжал существовать.

И выходило так, что недобитые бандеровцы захватили власть на Украине, маленькой части России или СССР, что одно и то же. И как полагается поступать в этом случае кадровому офицеру?

Правильно. Уходить добровольцем на фронт.

И Репнин отправился в Ростов — в тот, который на Дону. Здесь собирались группы охочих людей и каждые пять дней отъезжали на Донбасс. Бить фашистов.

Прибыв на Дон поездом, Геша сразу перебрался на автовокзал — тот располагался напротив железнодорожного. Здесь и камера хранения была дешевле, да и в гостинице можно было устроиться на ночь. А долго задерживаться в Ростове Репнин не собирался.

Сняв номер, Геша позвонил куда надо.

— Геннадий Репнин? — уточнили на том конце провода.

— Так точно.

— Ваша группа пока еще собирается, но ждать недолго — скоро должен прибыть автобус из Во-